

Большого внимания заслуживал и вопрос о привилегиях византийских городов X — XII вв. Автор, основательно подчеркивая, что класс купцов оказывал влияние на правительство Льва VI (стр. 42)⁴, придерживается тем не менее традиционного взгляда, будто этот император ликвидировал «последние следы» автономии городов (стр. 47)⁵. Но и то, что сделано Антониадис-Бибику, позволяет высоко оценить ее книгу.

А. К.

P. GAUTIER. LE DISCOURS DE THEOPHYLACTE DE BULGARIE
À L'AUTOCRATOR ALEXIS I-ER COMNENE (6 JANVIER 1088)

«Revue des études byzantines», XX, 1962, p. 93—130

Труд П. Готье состоит из двух частей: исследования речи Феофилакта Болгарского к императору Алексею I Комнину и издания текста речи. Критическое издание речи появляется впервые. До сих пор исследователи были вынуждены обращаться к «Греческой патрологии» Миня (PG, t. 126), который воспроизвел текст старого венецианского издания, основывавшегося на рукописи XVI в. Это издание изобиловало ошибками и пропусками, в ряде случаев делавшими текст Феофилакта плохо понятным. В основу издания Готье легли две флорентийские рукописи XIV в. (Laurentianus LVI, 1 и Laurentianus LIX, 12); оно сделано основательно и добротно.

Исследование посвящено частному вопросу — уточнению датировки речи. Однако, как это часто бывает, частный вопрос оказывается связанным с более широким кругом проблем, и это придает работе Готье несомненный интерес. Во-первых, уточнение даты речи должно изменить наши представления о биографии Феофилакта. Во-вторых, Готье приходится заниматься хронологией византийско-печенежской войны и событий в Малой Азии 1086—1092 гг. Эти события известны лишь из «Алексиады» Анны Комниной; соответствующие главы ее труда имеют весьма запутанную хронологию, которая неоднократно была предметом ученых дискуссий.

В. Васильевский определил *terminus post quem* (1088 г.) и *terminus ante quem* (1092 г.) речи Феофилакта¹. Эти даты ни у кого, в том числе и у Готье, не вызывают сомнений. Готье оспаривает лишь попытку Васильевского установить для речи точную дату — 6 января 1090 г., дату, которая безоговорочно принимается всеми прочими современными исследователями².

Единственный аргумент В. Васильевского заключается в идентификации мира с печенегами, за который Феофилакт хвалит Алексея (сар. 6), с миром, упомянутым Анной (II, р. 107.17—22)³, который Васильевский датирует концом 1089 г. Готье возражает против такой идентификации и предлагает отождествить упомянутый Феофилактом мир с тем, который, согласно Анне (II, р. 105.30—106.30), несколько ранее заключил Синесий (Готье датирует его началом зимы 1087/88 г.).

Возражения Готье сводятся к следующему: 1) согласно Феофилакту, печенегов к заключению мира вынудил договор Алексея с куманами, а в 1089/90 г., судя по «Алексиаде», куманы уже не участвовали в событиях; 2) согласно Феофилакту, печенеги первыми отправили послов к Алексею с предложением мира, Анна же сообщает, что инициатором мирного договора был Алексей; 3) как сообщает Анна, мир конца 1089 г. оказался недолговечным, в начале зимы печенеги перешли в Тавроком и стали грабить окрестности. Таким образом, в январе, когда произносилась речь, договор был уже нарушен.

Первый довод Готье — *ex silentio*. Относительно роли куманов в заключении мирного договора Анна могла просто умолчать, ведь, по ее собственным словам (II, р. 146), «из многих событий [печенежской войны] она упомянула лишь о немногих».

Что же касается второго и третьего доводов, то они представляются вполне основательными для того, чтобы поколебать датировку Васильевского. Готье, однако, не

⁴ См. об этом также: М. Я. С ю з ю м о в. Экономические воззрения Льва VI. — ВВ, XV, 1959, стр. 34; А. П. К а ж д а н. Из истории политической борьбы в Византии в начале X в. — Уч. зап. Тульского пед. ин-та, 3, 1952, стр. 194 и сл.

⁵ См. критические замечания: А. П. Р у д а к о в. Византийская культура по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 79, особенно: Н. В. П и г у л е в с к а я, Е. Э. Л и п ш и ц, М. Я. С ю з ю м о в, А. П. К а ж д а н. Город и деревня в Византии в IV — XII вв. Белград — Охрид, 1961, стр. 37 и сл.

¹ В. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 134 сл.

² Кроме перечисленных Готье авторов, в самое последнее время за эту датировку высказался Р. Катичич (R. K a t i č i ć. Βιογραφικά περί Θεοφύλακτου Ἀρχιεπισκόπου Ὁσρίδος. — ЕЕВΣ, 30, 1960—1961).

³ Цитируем по изданию: А н н е С о м н è н е. Alexiade. Paris, 1937—1945.

замечает, что оба эти довода равным образом опровергают и его собственную идентификацию. Ведь и при заключении первого договора инициатором был Алексей, отгравивший к печенегам Синесия. Кроме того, как в первом, так и во втором случаях печенеги немедленно нарушили мир: Синесий, по словам писательницы (II, p. 106), еще не успел вернуться к императору, как печенеги возобновили военные действия и заняли Филиппополь.

Идентифицируя мирный договор, упомянутый Феофилактом, с тем, который, согласно Анне, заключил Синесий, Готье пытается установить его дату на основании данных «Алексиады». До Готье распределить во времени события печенежской войны старались К. Дитер, Ф. Шаладон, В. Васильевский, В. Златарский и др., однако большинство датировок носило гипотетический характер, ибо основывалось лишь на сбивчивых и противоречивых указаниях Анны. Но и Готье распределяет события во времени чисто логическим путем. Следует признать, что текст «Алексиады» в этом разделе не дает оснований для точных датировок.

Отстаивая свою датировку, Готье обращает внимание на слова Феофилакта (cap. 11) о том, что Алексей ввел в свою империю, сделал членами синклита и «сподобил святого крещения» неких пришельцев с Востока. По мнению Готье, речь идет об упомянутых Анной (II, p. 66, 81) Чауше и Илхане, перешедших на службу к Алексею и принявших христианство. Однако хронология этих событий в «Алексиаде» и в данном случае весьма неопределенна, и поэтому датировки, предложенные Готье, носят в ряде случаев произвольный характер. Можно считать вероятной гипотезой предложение Готье датировать мятеж Илхана концом 1086 — началом 1087 г., однако никак нельзя согласиться с датировкой похода полководца Мелик-Шаха Бузана в Малую Азию 1087 г. Ведь, согласно Анне, Бузан передал Алексею предложение Мелик-Шаха выдать дочь за его старшего сына, а посланец императора Татикий, который нес ответное письмо султану, уже не застал в живых Мелик-Шаха. Мелик-Шах же, как известно, умер в 1092 г. Готье приводит два соображения в подкрепление своей датировки: 1) доводы, которые приводит Мелик-Шах в письме, переданном с Бузаном, стремясь склонить к союзу Алексея, соответствуют ситуации 1087 г. В этом письме султан напоминает Алексею о его борьбе с «латинянами», т. е. о кампании против Роберта Гвискара, закончившейся в 1085 г.; 2) Мелик-Шах предлагает Алексею выдать замуж свою дочь за его старшего сына, а старший сын султана Ахмет умер в 1088 г. Эти аргументы не представляются нам убедительными. Во-первых, Мелик-Шах вспоминает вообще о врагах, с которыми встретился Алексей с того момента, как взял власть в свои руки, и, следовательно, доводы Мелик-Шаха не обязательно связывать с ситуацией 1087 г. Во-вторых, под старшим сыном может иметься в виду наследник султана Бэрк-Ярук, ведь называет же Анна по ошибке первенца Роберта Боэмунда младшим сыном Роберта.

Готье приводит еще один аргумент в пользу своей датировки. Феофилакт побуждает Алексея провозгласить соправителем своего сына Иоанна, которого он называет *ὀφικῶτατος θεῖα* — «чудо самого недавнего времени». В 1090 г. Иоанну было уже два года, и, по мнению Готье, оратор не мог именовать его таким образом. Думается, однако, что назвать младенца Иоанна *ὀφικῶτατος θεῖα* Феофилакт мог и в 1090 г., не говоря уже о том, что *ὀφικῶτατος* можно понимать не только в значении «самый недавний», но и «самый последний» (из детей Алексея).

Итак, большинство аргументов Готье вызывает серьезные возражения. И все же если ему, с нашей точки зрения, не удалось убедительно доказать свою мысль, то безусловно удалось показать слабую обоснованность некоторых традиционных датировок, более полувека переходящих из одного исследования в другое.

Я. Л.

С. ЛИШЕВ. ЗАГЕНЕЗИСА НА ФЕОДАЛИЗМА В БЪЛГАРИЯ

София, 1963, 223 стр.

Книга С. Лешева, в которой впервые в исторической литературе детально исследуется проблема формирования феодальных отношений в Болгарии, представляет собой серьезное научное исследование. Характерной особенностью книги является пересмотр ряда проблем, решение которых стало как бы традиционным. С. Лешев считает необходимым пересмотреть выдвинутый рядом исследователей тезис о том, что у славян еще до их переселения в Нижнюю Мезию знать захватила общественные земли и превратилась в класс крупных землевладельцев. В VI—VII вв. у славян будто бы уже оформилась феодальная эксплуатация, а в IX—X вв. уже существовала личная зависимость крестьян. Эта концепция раннего развития феодализма у славян излагается, в частности, Д. Ангеловым. Лешев критикует эти взгляды как необоснованные. Он указывает, что Земледельческий закон может быть использован только как источник по истории Болгарии второй половины IX в., когда был сделан перевод Земледельческого закона на славянский язык. В этом вопросе Лешев солидаризируется со Златарским, на высказывание которого он и ссылается. Далее Лешев показал, что и другие